

ОТКЛИКИ НА ТРУДЫ ПРОФЕССОРА М. МАЛИКОВА

Следует подчеркнуть, что мои взгляды были приняты общественностью неоднозначно. В частности, доктор философских наук, профессор В. Попов сразу задался вопросом: **Куда все-таки идем?** Считаю целесообразным привести его текстуальные суждения.

«В Башкирии обстановка обострилась. Борьба за власть вылилась в вооруженные столкновения национал-фундаменталистов с инакомыслящими. Население западных районов республики, где преобладают татары и русские, не желает входить в состав Башкирии и склонно объединяться с Татарией, а восточные зауральские районы стремятся присоединить башкир, живущих в Челябинской, Оренбургской и других соседних областях, чтобы создать великий Башкортостан. В Уфе начались перестрелки. Военный гарнизон пока держит нейтралитет. Русские в растерянности. Неужели и здесь разыгрывается знакомый сценарий?

Дорогие читатели! Обозначенная схема-прогноз — один из возможных вариантов развития событий. Не дай боже, если он сбудется.

Кажется, философ Юм сказал, что утопии обладают одним важным свойством: они сбываются. Люди, стремясь улучшить, материально-духовные условия своей жизни, поначалу идут за своими лидерами и в обстановке психологической зараженности, эйфории общности и родства начинают убивать друг друга сначала духовно, а затем, и физически. Разыгрывается не ссора гоголевских помещиков из-за того, что один обозвал индюком другого. Разыгрывается трагическая драма, в которой простой люд служит лидерам лишь материалом для реализации их властных амбиций. Лисьи повадки некоторых из них обольщают нас — зайцев и ворон. Они и сыр едят и зайчиатиной питаются. Одни из них, размахивая флагом суверенитета, скатываются до дудаевщины, другие ублажают нас золотыми горами и реками полными вина (зарубежного спирта), третьи честно объясняют, почему нам так трудно стало жить. Каждый хочет, чтобы мы поддерживали его словом, создает свою социальную опору. И все они единогласно ратуют за реформы, за приватизацию. Нет возражений и у меня. Многоукладная экономика во всем мире показала свои преимущества. Схема: приватизация определенной части государственной собственности, формирование цивилизованного рынка, соревнование и конкуренция во имя роста производства, стало быть, жизненного уровня людей — для меня понятна, и я голосую «за». Но когда вице-

премьер российского правительства Шумейко на вопрос: «На какую социальную базу рассчитана ваша реформа?» отвечает: «На класс предпринимателей, которого пока нет, но мы будем его создавать», у меня отвисает челюсть. Парадоксально не предпринимательство (я тоже причисляю себя к предприимчивым), а наивность, глашатаев капитализма по американской мерке, рассчитывающих на нашу неосведомленность и веру в вождей, которых сегодня у нас больше, чем во всем остальном мире.

Понимаю, маятник общественного сознания отклоняется в ту или другую сторону, однако он работает лишь в условиях равновесия. Если классовое, этническое, демографическое, региональное и даже профессиональное относительное равновесие нарушается, начинается социальная дезорганизация. Все ли лидеры понимают это?

Я не пил на брудершафт ни с Миргазиевым, ни с Рахимовым, видел их лишь по телевизору. Однако меня встревожили последние события на башкирском Олимпе. Почему в таком пожарном темпе сняли Миргазиева с поста Председателя Совета Министров? Почему член-корр. РАН, доктор экономических наук, профессор Гизатуллин оказался неудобным и выведен из состава Конституционной комиссии? Почему Рахимов окружил себя советниками подчас с махровыми националистическими взглядами? Размеры газетной статьи не позволяют продолжать эти «почему». Постараюсь кратко ответить лишь на поставленные вопросы.

Заместители Рахимова — Демин и Миргазиева — Харлов на пресс-конференции для журналисткой братии пытались доказать, что Миргазиев что-то сказал, а 13 министров согласились и подали заявление об отставке. При этом Харлов ссылаясь на какие-то принципиальные разногласия. Но какие именно? Не буду ссылаться на различные слухи, задам лишь очередной вопрос: почему так быстро сработала машина голосования в Верховном Совете? Доступная информация и логика подсказывают мне ответ: Рахимов, словно опытный лис, убедил лесной народ, что ему на жаркое нужен Миргазиев. Если кто-то из олимпийцев убедит меня в обратном, готов извиниться, изменив свое мнение.

Честного, умного профессора Гизатуллина знаю лично. Он, как и многие ученые, в поисках истины может заблуждаться и даже перегибать. Мы все пока ходим в потемках социально-космического мироздания. Однако я полностью стал на его сторону, когда узнавал, что с подачи Рахимова он исключен из состава Конституционной комиссии. Вот и думаю: не келейно ли готовится Основ-

ной Закон, где команде Рахимова мешают такие диссиденты, как Миргазямов и Гизатуллин. Ведь власть — дьявольски соблазнительная вещь, а шуке трудно поймать карася в мутной воде.

Выступая за единство многонационального народа Башкортостана, я пытался на страницах газет убедить таких ярых националистов, как Кульшарипов и К°, что любые крайности пагубны, что кровь у нас у всех одного цвета, что пятая графа в паспорте не главная, что, наконец, мы живем не только для себя, но и готовим дом для будущих поколений. Эти тривиальные истины не признают мечтающие о национальном превосходстве и власти. Они искусно упаковывают свои вожделенные цели в одежде суверенитета, потому что «башкирский народ вымирает», а Центр, словно вампир, сосет из него соки, что демократия для них спасение, а вот иноязычные навязывают им тоталитаризм. Не буду ссылаться на профессора Юлдашбаева, получившего тяжелую травму во время антиалкогольной компании, на профессора Хайруллина — догматически манипулирующего понятиями империи и колоний. **Остановлюсь лишь на рассуждениях доктора юридических наук профессора Маликова, поскольку они типичны для национал-сепаратистов. Коснусь лишь некоторых фрагментов его статьи «Новая Конституция не должна повторять старые ошибки», (см. «Известия Башкортостана» от 30 октября 1992 г.), в которой профессор следует избитому шаблону: поругав прошлое, нарисуй светлое будущее во главе с президентом.**

Думаю, что презумпция как предложение, основанное на зависимости исполнительной власти от законодательной не утверждает обязательности президентской власти, которая якобы «призвана олицетворять и реально осуществлять в условиях господства последовательно демократического режима и закона силу государства, твердость государственной политики, ее нерушимость». Сильно сказано, но не убедительно. Президент. Ельцин и его указы тому доказательство. Ведь Рахимов и К под разными благовидными предлогами и разъяснениями легко отодвинули и сроки выборов президента, депутатов и своих заместителей. Если Ельцину не дают времени для укрепления личной власти, то Рахимов получил власть и время для ее укрепления на годы».

В мире широко распространены две формы внутригосударственных и межгосударственных объединений: федерация и конфедерация. Та и другая формы на основе обоюдного согласия. Различия этих форм власти определяются степенью зависимости — федерация характеризуется большей степенью органического един-

ства, чем конфедерация. Но и этот критерий относителен. Швейцарская конфедерация или даже Европейское Сообщество сегодня выглядят более прочными образованиями, нежели Российская Федерация, раздираемая местническими амбициями и сепаратизмом.

В принципе, профессор Попов В. не был против договорных отношений, так как их суть определяет специфику общечеловеческих, внутригосударственных и межгосударственных отношений и связей. Но он политику некоторых башкирских лидеров оценивает как «тактику двуликого Януса». По его мнению, это и попытка «не учитывает региональные возможности материально-духовного развития народа»¹⁸¹.

Справедливости ради, следует заметить, что доктор юридических наук, профессор, академик и член Президиума РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ **Кутафин Олег Емельянович** не разделяет мнение профессора В.Попова и, ссылаясь в **своей монографии** «Российская автономия» (М.: «Проспект», 2006.—768 с.) на мои труды, отметил следующее.

В частности, он разделяет утверждение о том, что впервые признание автономных республик государствами предусматривалось в Конституции РСФСР 1978 г., тем самым признавалась самостоятельность автономных республик и первичность их конституций. Очередной этап формирования субъектов Федерации начинается с 1990 г., когда впервые в союзном законодательстве автономная республика определена как государство. Таким образом, законодательство отказалось от теории «автономизации» (поскольку «автономия» не предполагает суверенитет любой республики как государства)¹⁸².

В теории конституционного права самостоятельность государства характеризуется «территориальными образованиями и наличием самостоятельных законодательного, исполнительного и судебных органов, правовой и финансово-бюджетной системы»¹⁸³. В соответствии с Декларацией о государственном суверенитете с 1992 г. республики в составе Российской Федерации осуществляют мероприятия, связанные с укреплением своей государствен-

¹⁸¹ Газета «Вместе», 15 ноября 1992 года.

¹⁸² Маликов М. К. Проблемы реализации суверенитета Республики Башкортостан. С. 505–506.

¹⁸³ Там же. С. 507.

ности: вводится президентская форма правления, укрепляются законодательная, исполнительная и судебная власти, создаются экономическая и правовая системы¹⁸⁴.

Академик Кутафин О.Е. ссылается на позицию автора: «субъекты Российской Федерации, с одной стороны, составляющие, а с другой — составные части (элементы) федеральной системы. Иными словами, структурные элементы Российской Федерации (ее субъекты) обладают определенной самостоятельностью по отношению к федерации в целом, точно так же, как Российская Федерация обладает определенной самостоятельностью по отношению к субъектам»¹⁸⁵.

Касаясь проблемы «первичности» суверенитета, О. Е. Кутафин отмечает, что если республики выступают как источники, основоположники образования федерации и ее суверенитета, то она определяется «предметом ведения и компетенцией республик и федеральных органов».

«Иначе говоря, — отмечает он, — суверенитет определен рамками их правовой компетенции: в решении одних вопросов первичен суверенитет республик, а в других — федерации. Однако отсюда не вытекает вывод, что ограничение предметов ведения и компетенции ведет к взаимному ограничению их суверенности. В связи с принятием Декларации о государственном суверенитете, Федеративного Договора, конституции РФ и ее субъектов утрачивают свое значение концепции «ограниченности» («самоограниченности») субъекта, частичной международной правосубъектности»¹⁸⁶.

Академик Кутафин О.Е. солидарен с утверждением, что не может быть государства в государстве, а, следовательно, суверенитет в суверенитете. Поэтому он не поддерживает мнение других ученых относительно ограничения суверенитета. В то же время, он присоединяется к утверждению автора о том, что главная объединение ряда государств в единое федеративное государство не установление подчиненности друг другу, а закрепление союза между федерацией и ее субъектами для обеспечения более эффективного их функционирования и развития.

Далее он приводит слова автора: «Не теряя своего суверенитета, они образуют новое общее для всех суверенное государство, наделив его соответствующей компетенцией в осуществлении

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. С. 508, 509.

внутренней и внешней политики. Следовательно, возникает согласованный суверенитет. Каждый субъект федерации сохраняет политико-правовое качество суверенной государственности, но суверенитет в определенной мере согласуется в рамках передела федеральным органам компетенций, равно как ограничен суверенитет федерации компетенцией ее субъектов. Поэтому вырабатывается и закрепляются новые принципы федерации, которые приз обеспечить целостность и суверенитет России в целом и одно именно — необходимый уровень самостоятельности ее субъекта возможность решения на местах широкого комплекса вопросов вития территорий с учетом их национальных, экономических интересов и особенностей»¹⁸⁷.

О. Е. Кутафин также разделяет утверждение о том, что признание права на самоопределение народа как этнического образования означало признание суверенитета нации, что поставило вопрос о соотношении его с государственным суверенитетом. По его мнению, суверенитет народа проявляется в возможности обретения государственного суверенитета в любой его форме, причем народ, создавший свою государственность, не теряет своего суверенитета в том смысле, что он сохраняет право принять избранную им государственную форму¹⁸⁸.

Он также полагает, что на основе конкретно-исторического опыта выработаны международно-правовые способы осуществления права народа (наций) на самоопределение, создание суверенного и независимого государства, свободного соединения к независимому государству или объединения или установления любого другого политического статуса.

По его мнению, что самоуправленческие начала в Российской Федерации проявляются в объеме полномочий субъектов, процедуре принятия и реализации решений, степени согласован волевых действий и обеспеченности интересов различных субъектов, установление отношений между центром и субъектами Федерации на началах субординации. Поэтому в будущем самоуправленческие начала в Российской Федерации будут углубляться во взаимоотношениях между Федерацией и ее субъектами»¹⁸⁹.

С этих позиций высказанные автором предложения по обеспечению самостоятельности республики одобряются.

¹⁸⁷ Маликов М. К. Указ. соч. — Т. 1. С. 509.

¹⁸⁸ См.: Там же. — С. 509, 510.

¹⁸⁹ Там же. — С. 510.

«Во-первых, сегодня мы наблюдаем тенденцию развития прежней «слепковой» правовой системы, т. е. повторение российской Конституции, что неоднократно отмечалось в печати. Особенно это заметно в проекте Конституции Республики Башкортостан, когда республике придается «суверенность» в рамках Российской Федерации. Во-вторых в любой Конституции, в том числе в Конституции Республики Башкортостан, следует четко предусмотреть гарантии, принципы и механизмы реализации действительного суверенитета республики. В-третьих, в нашей Конституции должны быть закреплены формы обеспечения экономической самостоятельности. В противном случае вопрос об экономической самостоятельности зависит от способности руководителей отдельных ведомств республики.

Следовательно, Конституция нужна нам для противопоставления диктатуре и монополии Центра, для реализации права нации на самоопределение, для вхождения республики в состав федерации на равных правах, для защиты прав человека и укрепления суверенитета производителя для развития уровней суверенитета, для сочетания отраслевого и территориального управления».

Говоря о недостатках действующей Конституции РФ, М. К. Маликов считает, что ее несовершенство заключается во включении в число субъектов Федерации Республики Татарстан и Чечни без их согласия. К числу этих недостатков он относит также и то, что Конституция РФ определяет самостоятельность только органов законодательной, исполнительной и судебной властей и закрепляет экономическую целостность Федерации без учета экономического суверенитета субъектов Федерации¹⁹⁰.

М. К. Маликов полагает, что в ст. 5, 11 (п. 2), 15 (п. 4), 66 Конституции РФ четко предусмотрены правовые основы суверенитета Республик, субъектов Федерации. «Исключение из текста Конституции слова «суверенные», — пишет он, — не противоречит независимости составных частей Российской Федерации. Применительно государственным образованиям слово «суверенные» излишне, ибо международному праву само понятие «государство» включает в себя, наряду с публичной властью и территорией, и суверенитета¹⁹¹.

Академик Кутафин О.Е. в своей монографии «Предмет конституционного права» (М.: Юрист, 2001. — 444 с.), ссылаясь на работу

¹⁹⁰ Там же. — С. 9, 10.

¹⁹¹ Указ. соч. — Т. 2. — С. 6, 7.

Маликова М.К. «Проблемы реализации суверенитета Республики Башкортостан» (Т. 3. С. 365–368), пишет следующее:

«В договорах о разграничении предметов ведения и полномочий с органами государственной власти (на примере Татарстана, Башкортостана и Якутии) закреплены довольно значительные уступки субъектам Федерации в различных сферах деятельности, включая передачу полномочий, входящих в сферу исключительного ведения Российской Федерации. В результате этим субъектам Федерации были предоставлены преимущества и льготы, ставящие их в особо благоприятные условия по сравнению с другими субъектами Федерации.

Ряд такого же рода преимуществ и льгот содержат и договоры, подтвердившие тесные дружеские связи между субъектами Федерации и федеральными властями (договоры с Кабардино-Балкарской Республикой, Республикой Северная Осетия — Алания). Например, согласно договору с Республикой Северная Осетия — Алания в ведении этой республики находятся: решение вопросов республиканского гражданства; координация бюджетно-финансовой, денежно-кредитной и ценовой политики, хотя в соответствии с Конституцией РФ все эти вопросы входят в число исключительных полномочий Российской Федерации.

Надо сказать, что подобного рода «льготные» договоры часто используются региональными властями для обоснования своих действий, противоречащих Конституции и законодательству РФ. Убедительным подтверждением этому может служить, в частности, постановление Государственного Собрания Республики Башкортостан от 28 ноября 1997 г. «О запросе Государственной Думы Российской Федерации в Конституционный Суд Российской Федерации о соответствии ст. 92 Конституции Республики Башкортостан Конституции РФ».

Рассмотрение запроса, говорится в постановлении, с точки зрения его соответствия Договору Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 апреля 1994 г. «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» свидетельствует о неправомерности обращения Государственной Думы в Конституционный Суд РФ.

Договором Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 г. Республика Башкортостан признана суверенным государством в составе Российской Федерации. В соответствии с п. 1,

2, 7, 16 ст. 3 Договора вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина, система органов государственной власти, порядок их организации и деятельности, создание системы законодательства, организация государственной службы в Республике Башкортостан находятся в ведении республики. «Своим запросом Государственная Дума нарушает прямые договоренности сторон о взаимном делегировании полномочий, навязывая республике свое решение по вопросам, которые входят в компетенцию Республики Башкортостан.

В соответствии со ст. 7 Договора Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 года споры по осуществлению полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Башкортостан решаются в согласованном между ними порядке в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Башкортостан.

Грубо проигнорировав согласительные процедуры, предусмотренные Договором, Государственная Дума встала на путь одностороннего нарушения Договора от 3 августа 1994 года, вмешательства в компетенцию органов государственной власти Республики Башкортостан, и, таким образом, обострения отношений между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан.

Государственное Собрание Республики Башкортостан не может согласиться с попыткой Государственной Думы под видом защиты прав и свобод человека и гражданина в одностороннем порядке толковать статьи Конституции РФ и Конституции Республики Башкортостан и расценивает это как неправомерное вмешательство в предметы ведения Республики Башкортостан, наносящее ущерб законным правам и свободам граждан Республики Башкортостан, осуществлению полномочий ее высших органов государственной власти...

Государственное Собрание Республики Башкортостан постановляет: Отметить, что Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации своим запросом в Конституционный Суд Российской Федерации ставит под сомнение необходимость обеспечения прав и свобод граждан в республиках, их прав пользоваться государственным и родным языками, обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти, предусмотренных в соответствующих статьях Конституции РФ и Конституции Республики Башкортостан.

В этом документе также игнорируются положения Договора Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 года о том, что порядок организации и деятельности органов государственной власти Республики Башкортостан находятся в ее ведении, что споры по осуществлению полномочий органов государственной власти Республики Башкортостан решаются в согласованном между ними порядке и что к совместному ведению отнесено согласование конституционного и текущего законодательства Российской Федерации и Республики Башкортостан. Этот шаг Государственной Думы направлен на дестабилизацию общественно-политической обстановки и межнационального согласия в Республике Башкортостан»¹⁹².

Адаменко В.Д. в своей монографии «Охрана прав, свобод и интересов обвиняемого» (Кемерово, 2004. – С.237–238, 241, 245, 248–249) отмечает следующие позиции М.Ф. Маликова:

1) Подготовка к судебному заседанию – самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, где решается проблема наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для рассмотрения или разрешения дела в судебном заседании. По отношению к стадиям возбуждения уголовного дела и предварительного расследования эта стадия выполняет в определенной мере контрольную, а по отношению к стадии судебного разбирательства – подготовительную функции». Здесь происходит: «осуществление судебного контроля за качеством предварительного расследования с тем, чтобы не допустить в судебное разбирательство дела с недоброкачественными материалами и предупредить необоснованное появление подсудимого. Установление отсутствия иных обстоятельств, препятствующих судебному разбирательству. Производство подготовительных действий, обеспечивающих эффективную деятельность суда в стадии судебного разбирательства»¹⁹³.

2) Встречаются случаи, когда в ходе предварительного слушания прокурор изменяет обвинение, и тогда судья обязан отразить это в постановлении и направить дело по подсудности (например, областной судья направляет дело в районный суд при изменении обвинения с любого пункта ч. 2 на ч. 1 ст. 105 УК РФ).

3) Относимость доказательства тесно связана с его допустимостью; они переплетаются, поскольку для решения вопроса о допус-

¹⁹² Аналогичные положения приведены им в работе: Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации – М.: Юрист, 2002. – С. 163–166.

¹⁹³ Вандышев В.В. Уголовный процесс. Конспект лекций. – СПб., 2002. – С. 208.

тимости приходится порой собирать дополнительно сведения, относящиеся к этому вопросу, а законность источников, методов и приемов получения сведений гарантирует относимость к делу доказательств. Однако если относимость связывается с содержанием информации, то допустимость с ее формой. Допустимыми можно признать только такие сведения о фактах, «форма которых соответствует закону во всех существенных признаках, а не в части их. Также допустимость фактических данных зависит и от характеристики носителя информации»¹⁹⁴.

4) При оценке доказательств по совокупности, подчеркнем, необходимо всякий раз требовать конкретных выводов относительно того, насколько достоверно каждое из доказательств и насколько точно оно устанавливает или опровергает тот или иной факт, в какой взаимосвязи находится конкретное доказательство с другими доказательствами¹⁹⁵. «Определение достаточности собранных доказательств представляет собой логическую операцию, которая тесней всего связана с законом достаточного основания».

5) Несомненно, доказательства собираются, проверяются, оцениваются также на предыдущих и последующих стадиях производства по уголовному делу, но процедура ограничивается задачами конкретной стадии и пределами доказывания в ней. ...

Рассматриваемой стадии присуще непосредственное, гласное исследование и независимая оценка как обвинительных, так и оправдательных доказательств. Причем оценке способствует наиболее полное внутреннее убеждение¹⁹⁶, основанное на глубоком изучении свойств всей имеющейся по делу информации и связи между доказательствами.

б) Охрана подразумевает и принятие окончательного в стадии решения (приговора, постановления, определения). Причем приговор (гл. 39, ст. 322 УПК) должен соответствовать требованиям законности, обоснованности, справедливости (ст. 297 УПК), мотивированности, гуманности, убежденности и культуры. В суде присяжных приговору присущи некоторые особенности, связанные с вынесенным присяжными вердиктом (ст. ст. 351, 343 УПК). Но во всех случаях в приговоре официально отражается оценка всех

¹⁹⁴ Маликов М.Ф. Указ.соч. – С. 37.

¹⁹⁵ Там же. С. 38

¹⁹⁶ О внутреннем убеждении см.: Бохан В.Ф. Формирование убеждения суда. – Минск, 1973; Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. – Харьков, 1975; Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. – М., 1977 и др.

исследованных в судебном заседании вопросов (ст. 299 УПК РФ)¹⁹⁷, что свидетельствует об охране государством прав и интересов обвиняемого.

7) Аналогично задачи стадии подчеркивались до принятия УПК РФ. Так, М.Ф. Маликов еще в 1984 году рассуждал: «Данная стадия является: 1) промежуточным звеном между предварительным следствием и судебным разбирательством; 2) контрольной по отношению к стадиям возбуждения уголовного дела и предварительного следствия; 3) подготовительной по отношению к последующей стадии»¹⁹⁸.

8) В этом отношении присоединяемся к позиции о возможности такой переквалификации¹⁹⁹.

9) М.Ф. Маликов справедливо указывает: «Внутреннее убеждение принципиально отличается от интуиции, догадки, чутя и иных безотчетных чувств. Оно достигается в ходе объективного познания реальной действительности, основывается на всесторонних исследованных и оцененных доказательствах и источниках. Решать по внутреннему убеждению — значит осознать единственную правильность убеждаемого или отрицаемого, иметь строго обоснованную уверенность в истинности своих суждений и располагать необходимым для этого объективным материалом»²⁰⁰.

Самигуллин В.К. в своей монографии «Правосознание: корень добра и справедливости» (Уфа, 2009. — С. 100.) отмечает:

«Известны в Башкортостане, в России и за их пределами своими трудами в области права доктора юридических наук, профессора К. С. Бельский, В. Я. Бойцов, Л. Л. Каневский, М.Ф. Маликов, М. С. Орданский, Ф. М. Раянов, А. Н. Тимонин, И.А. Фаршатов, доктор политических наук, профессор М. М. Утяшев и др. Научные исследования этих ученых-юристов разнообразны по тематике, содержанию и форме, носят как фундаментальный, так и прикладной характер, актуальны и в целом направлены на обоснование социальной ценности права, раскрытие его гуманистического и демократического потенциала».

¹⁹⁷ См.: Маликов М.Ф. Оценка доказательств в правоприменительной деятельности. — Уфа, 1984. — С. 56-64.

¹⁹⁸ Маликов М.Ф. Оценка доказательств в правоприменительной деятельности. — Уфа, 1984. — С. 56.

¹⁹⁹ Иные позиции и рассуждения в указанном аспекте см.: Маликов М. Ф. Оценка доказательств в правоприменительной деятельности. С. 59–61.

²⁰⁰ Маликов М.Ф. Указ.соч. — С.42.